

Лев Амелин

ИСТОМА

психологический триллер

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

Содержит
нецензурную брань

Лев Амелин

Истома

«Автор»

2026

Амелин Л.

Истома / Л. Амелин — «Автор», 2026

«Что происходит?» Александр читает этот вопрос в странном блокноте, подобранном в незнакомом баре. Теперь этот вопрос будет преследовать его постоянно. Когда на него наставят пистолет. Когда жизнь вокруг внезапно перестанет быть безопасной. Когда странные наброски в незнакомом блокноте покажут нечто большее, чем обычный человек способен переварить. Чтобы выжить, герою приходится играть неожиданные роли, балансируя на грани дозволенного и возможного. Но самая страшная битва ждёт его не на тёмных улицах, а внутри - с той темнотой, с которой он жил всегда. Мрачный психологический триллер о человеке, который, не имея опоры, пытается выстоять под ударами безразличного мира. И найти себя снова - уже другим.

© Амелин Л., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Пролог	5
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Лев Амелин

Истома

Пролог

Не могу сказать точно, что именно дало толчок переменам, которые бесповоротно изменили мою жизнь, но знаю наверняка – происходящее справедливейшим образом не соответствовало естественному ходу вещей. Мы обычно не склонны обдумывать привычную рутину, если она не вызывает постоянного дискомфорта. Нам не хочется закапываться в свои проблемы и проводить бесконечный тяжёлый самоанализ, который может привести только к ещё большей путанице и ещё больше оголить наше несовершенство, с которым просто непонятно, что делать. А нам всегда нужно с собой что-то да сделать. Человек никто без усилий, которые он к себе прилагает, без идеалов и форм, которым он пытается соответствовать. Эти формы выстраивают наш путь в ожидаемом направлении, и мы двигаемся вперёд, воспринимая всё, что с нами происходит, как данность и судьбу.

Тяжело ли выпасть из привычного уклада, который пустил корни даже в самые теневые части жизни? И да, и нет. Во всяком случае, когда это происходит, мы удивляемся тому, как внезапно рушится всё привычное, меняя окружение, людей, словно все перестали вести себя как нужно.

Незаметно что-то привело меня к внутреннему разрушению, но на тот момент сложно было оценить, как долго к этому шло, и могло ли что-то этому помешать. Знаю точно, что решающий первый шаг был сделан сам собой и практически без моего участия. Старт всему дал один тёплый майский вечер.

Не беспокоясь о своём дорогом костюме, я решил прилечь на скамейке, положив под голову кожаный рюкзак. Очень уж удобно удалось на нём расположиться. Я выдохнул полной грудью и наконец смог позволить себе расслабиться. Вытянулся на скамейке в полный рост. Уставился в ясное синее небо, лишь местами усыпанное редкими облачками. В голове внезапно наступили такой покой и тишина, что я с непривычки замер. Окружающий шум транспорта, кричащих детей, лая собак и разговоров прохожих начал медленно угасать и отдаляться, словно кто-то медленно сбавлял звук. Я пролежал так минут десять, а может, целый час. Сложно определить, но переход между синим вечерним небом и чёрным ночным, показался видеомонтажной склейкой, словно и не было никакого сна.

Я лежал в такой же позе, уставившись в ночное небо. Снова кто-то прибавил звук улицы, но теперь ночной город звучал куда спокойней. Редкие прохожие шли мимо и не обращали на меня никакого внимания. Краем глаза я заметил, что какая-то подлая птица решила уронить свои нечистоты мне на правую грудь, прямо на дорогой костюм.

Я сел и неспешно осмотрелся. Улица та же, всё то же. Странное волнение начало медленно подкрадываться.

Я изучил небольшой сквер, в котором остановился для размышлений ранее вечером. Вокруг уютным тёплым цветом горели фонари. Недалеко за спиной с шумом захлопнулись двери автобуса. После работы я должен был поехать домой именно на нём. Что-то побудило меня в странной прострации переместиться на скамейку, лечь и заснуть сном младенца, ни о чём не беспокоясь.

Сейчас эта остановка выглядела угнетающе. Шум отъезжающего автобуса почему-то меня обнадежил. Я выдохнул, будто избежал чего-то плохого.

На дворе стоял конец мая. Несмотря на полуночную темноту, вокруг сновал разношёрстный люд.

Ноги сами понесли меня по скверу и вывели на дорогу с односторонним движением и трамвайными путями.

Ещё пару улиц, ещё пару домов – и я поворачиваю на бурный барный двор, полный людей с бокалами пива в руках.

Мне всего лишь двадцать девять лет, и воспоминания о студенческой жизни и бурных гулянках ещё не успели кануть в глубокую память. Царящий вокруг шум гуляк оживил что-то внутри меня. Настроение поднялось, и недавно похороненный студент внутри взбудоражился, как новоиспечённый тусовщик. Я ощутил себя чуть моложе, но всё-таки, приглядевшись к окружающим, приземлился обратно в свои двадцать девять. Очевидная разница между мной и остальными больно кольнула, ведь здесь однозначно были на вид лишь одни студенты.

Некоторые парни с густой бородой, тату и деланными уверенными лицами лишь на первый взгляд походили на рослых мужиков, решающих важные дела. В их глазах читалась беспечность. Обрывки фраз, которые кусками долетали до ушей, хоть и не сполна раскрывали суть разговора, но явно были вырваны из не самого серьёзного на мой взгляд контекста: об учёбе, клубах, машинах и неких перспективных возможностях.

Мой усталый облик клерка, измотанный взгляд и усталые глаза без блеска демонстрировали пропасть между мной и той легкостью, которой были полны присутствующие. Они бы точно не оценили такого потерянного человека в своём окружении.

Эта улица была мне незнакома. В своё время мы знали все известные районы для тусовок, но со временем многое изменилось. Возможно, барный двор организовали совсем недавно.

– Стоит потерянный... – долетело до ушей.

Я резко обернулся и пробуравил глазами незнакомого парня, почему-то думая, что он говорит про меня. Небольшая группа ребят с интересом обсуждала какую-то историю. Парень, на эмоциях прокричавший эти слова, смущённо отвёл взгляд.

Надо было расслабиться. Я достал сигарету, закурил и глубоко затянулся. Лёгкие откликнулись мягким упоением, словно воздух, который я вдохнул, подсластили. Выдыхал я дым медленно, ощущая, как лицо, плечи, руки и постепенно всё тело начинают расслабляться.

Удивительно, как я был напряжён.

Дым немного застилал пространство с табличкой «Курить запрещено» перед глазами. Эти таблички здесь висели на стенах через каждые два метра на разном уровне, видимо, чтобы донести послание до людей самого разного роста и самой разной степени упёртости.

«Северь» – гласила большая табличка над окнами первого этажа. Входная дверь располагалась чуть выше земли, и к ней вела широкая железная лестница в пять-шесть ступенек. Я медленно изучал широкие окна, и моё внимание застряло на незнакомом лице молодой девушки, которая также изучающе смотрела на меня с верхней ступеньки.

Незнакомка была среднего роста, в облегающем белом платье до колен, с прямыми тёмными волосами до плеч, с тонкими чертами лица, открытым лбом и огромными глазами, которые как будто не совсем подходили к лицу.

Её решительный взгляд меня обескуражил.

– Поделишься? – спросила она.

Я, немного растерянный, не отрываясь от её огромных тёмных глаз, похлопал себя по карманам, вспоминая, где могла лежать пачка сигарет. Она за мгновение оказалась рядом и двумя пальцами аккуратно стянула мою уже закуренную сигарету с губ.

– Мне этой хватит. Как зовут?

– Мартынов, – сказал я, всё ещё не отрываясь от глаз. Она так же изучающе смотрела в мои без капли смущения от такого прямого контакта.

– Мартынов? – её глаза задорно блеснули. Удивительно, как живо они могли передавать настроение при спокойном, почти застывшем лице.

– Март... – я замялся и зачем-то протянул руку для рукопожатия.

Она рассмеялась уже ожившей мимикой и отмахнулась от руки, как от мухи. Я не сразу понял, что представился фамилией. Привычка корпоративного общения вынудила привыкнуть к такому, ведь Александров в мужском коллективе было не сосчитать.

– Хорошо, Мартынов, – сказала она, продолжая улыбаться. – Я – Анна. Фамилию не скажу, вдруг ты психопат какой.

– Да, правильно. Теперь ты в безопасности.

Ступор начал отступать.

Судя по глазам, ей понравилась моя ирония. Лёгкий настораживающий блеск проскочил в них, и она незаметно оказалась чуть ближе. Или она так и стояла на месте, а это рухнула невидимая стена. В тот момент, казалось, я могу взять её за руку и увести с собой куда угодно, а она охотно последует, не задавая вопросов, готовая на всё. Но такого рода дерзость была мне не свойственна.

Я закурил новую сигарету. Хотелось делать что-то чисто механически, чтобы разрядить неловкость, пока эта незнакомка, вот так бесцеремонно вторгшаяся в моё пространство, неотрывно смотрит на меня и считает словно подростка.

– Со всеми вот так резко знакомишься? – спросил я.

– Нет, только с тобой, ты – не как все, – сказала она с серьёзным взглядом, но смогла продержаться лишь секунду и резко прыснула от смеха как-то инфантильно.

Мне захотелось самому угадать её возраст. Много в её лице, голосе, глазах и манерах было противоречиво.

– Как тебе бар «Северь»? – спросил я.

– Ничем не отличается от других, – она кивнула в сторону других баров. – Здесь все они под копирку. Всё однотипное: официанты, бармены и меню. Уверена – здесь один хозяин.

– То есть если я свожу тебя в один бар, будет, как будто сводил во все?

Она засмеялась снова как-то по-детски, изменившись в лице, и сказала:

– Своди, только я, получается, уже во всех была, так что особо меня не удивишь.

– Давай так: удивлять будет в твоей части. Я слишком осторожный для такого.

– Ну вот, ты уже раскрылся и сказал, что ты осторожный, а значит скучный. Давай лучше я сама в тебе разберусь.

– Договорились.

Мы поднялись вверх по короткой лесенке и вошли в бар «Северь». Внутри было пусто, душно и совершенно непримечательно; одинаковые деревянные столы и стулья расставлены хаотично. Посетители, как правило, заказывали пиво и выходили с бокалами на улицу. За барной стойкой стоял татуированный бармен и тряс футболкой у живота, пытаясь продуть тело.

– Кондиционер не работает, извините, – сразу предупредил он. – Но можете открыть окно рядом со столиком.

Мы сели, и я сразу открыл окно напротив.

– Стоит, футболкой трясёт. Мог бы для себя хотя бы окно открыть. Всё закрыто наглухо, – удивился я.

– А мне сказал, что окно открывать нежелательно, – фыркнула Анна. – Наверное, не хотел, чтоб я здесь сидела.

– Почему так думаешь?

– Девушки обычно ходят в бар, чтоб их угощали. Сидят и ждут. Не покупают. С тобой вот зашли, значит ты будешь угощать, а значит будет чек. Для такого, видимо, можно и окно открыть.

– Грубовато, нет? Считай, тебя выгнали, потому что решили, что от тебя не получить счёт.

– Или отправили за кавалером, чтоб привела кошелёк, – она сделала философское лицо и снова смогла продержаться серьёзной лишь мгновение. – У тебя же есть кошелёк?

– Нет, у меня всё на карте. Расплачусь телефоном.

Она, довольная, улыбнулась.

– Ты выглядишь так, как будто недавно проснулся после пьянки где-то в кустах, – Анна резко изменила тон и выражение лица на более серьёзное и обыденное. – Ты явно не студент. Здесь ведь одна детвора гуляет всегда. А ты вроде как посерьёзней.

– Ты уже меня разгадываешь?

– Зачем тянуть? Ты дал понять, что платишь. Давай уже.

Внезапно у меня внутри что-то упало. Теперь понятно, она слишком прямолинейна, активна и дерзка. И, судя по всему, я должен буду платить не только за бар, но и за продолжение. Она заметила что-то на моём лице, как продажник замечает перемены настроения клиента и ускользающую возможность выгодной сделки. Сменила тон и сказала:

– Ты случайный человек.

– Не понял.

– Ты как будто случайно сюда попал.

– Ну я просто гулял. Эту улицу я не знал, здесь не был...

– Я не про это.

Она начала рыться в сумке.

Может, всё-таки она не проститутка? А ведь вовремя уловила моё сомнение и умело заинтриговала. Может, мошенница какая-то. Надо аккуратно закончить разговор и уйти. Она уже умело вертит мной. Я оказался в баре и готов платить.

– Куда я его положила...

– Что?

– Ничего. Ладно.

Анна порылась в сумке, помолчала и задумчиво посмотрела в окно. Глаза ходили из угла в угол. Лицо стало серьёзным. Сейчас из-за ширмы наигранной весёлой выглянула зрелость, глубокие переживания, а глаза стали холодными и расчётливыми. В этой минутной тишине к нам подошёл бармен, который работал и официантом, взял заказ и ушёл. Анна ничего не заказала. Отмахнулась, предлагая мне самому решить за нас двоих. Я заказал два тёмных пива и порцию чипсов. Другой еды, по словам бармена, не было, потому что кухня не работала по техническим причинам.

– Хорошо, я случайный, а ты неслучайная, получается, – съязвил я.

На её лице снова вернулась детская непосредственность.

– Я охотница, – она рассмеялась. – Ты случайная жертва.

– Часто здесь бываешь?

– Нет, обычно меняю локацию.

«Меняю локацию».

Меткая фраза. Сомнений не оставалось – она не случайная прохожая, но я действительно её случайная жертва. Тем не менее меня интересовало, куда может завести знакомство, столь чудное по своей сути. Даже понимая, что меня открыто загоняют в сети, я не стал бы ни за что это заканчивать, ведь я не был ребенком – мне ничего не стоило вмиг завершить общение, развернуться и раствориться.

По крайней мере так казалось, пока я, сам того не замечая, постепенно растворялся в её огромных глазах и абсолютной уверенности в силе своего характера.

– И давно ты решил всё бросить и всё поменять? – она продолжала. – Ты работаешь в офисе, но тебе не интересно. Ты не знаешь, что делать дальше. Даже не уверен в том, что тебе

когда-либо было интересно. Домой ты явно не торопишься, случайно забрёл в эту подворотню. Ты, даже сидя, как будто всё равно блуждаешь.

– Короче, по-твоему, я совершенно потерян.

– Ты попал в этот двор с потерянной физиономией, в мятом офисном костюме, со взъерошенными волосами и птичьим дерьмом на груди.

Я бросил взгляд на грудь и вспомнил, что обнаружил помёт на костюме, когда проснулся на скамейке, но тут же о нём забыл и пустился в прогулку по ночному городу.

– Ладно, продолжай, – сказал я.

– Даже сейчас не вытрешь? – она засмеялась.

– Ну, это добавляет интерес. Потерянный офисный работник. Мне плевать на костюм. Ничего делать с этим не буду, так и пойду на работу. Посмотрим на реакцию коллег.

– Хотелось бы узнать, что из этого вышло, – она задорно улыбалась глазами. Попросила мой телефон, ввела туда номер и сбросила себе пару гудков. – Обожаю всякий курьёз! Обещай, что будешь ходить с невозмутимым лицом. Хотелось бы получить фотоотчёт.

– Фотоотчёт курьёзных ситуаций?

Бармен принес два пива и деревянную посуду, полную чипсов. Мы разговорились и говорили, наверное, почти час на очень непонятные и неоднородные темы. Анна умело пере-скакивала с иронии на сарказм, с сарказма на самоиронию, бесконечно меняясь в лице, но сохраняя в глазах задорный блеск. То серьёзела и превращалась в утончённую мадам, то снова в девочку, и в такие моменты мне казалось, я вижу её как облупленную, а она меня – нет.

Мне нравился такой разговор. Мы явно ничего не спрашивали друг о друге и пытались делать выводы из того, что видим и из того, что говорим. И я не сразу заметил, что она уже который раз, словно поленья, подкидывает в мой адрес комментарии, которые не оставляют равнодушным и дальше побуждают к разговору. Я не выдал ни одной истории из своей жизни, но, кажется, выдал всё, что было у меня на душе, при этом оставаясь в совершенном неведении о знакомке, которая сидела передо мной уже целую кучу времени.

Она – охотница в возрасте от двадцати до тридцати, которая постоянно «меняет локацию» по Москве в поисках случайной жертвы; умело вертит чувствами, легко знакомится, смотрит гипнотизирующе своими огромными тёмными глазами. Пьёт неизвестно уже какое по счёту пиво и не пьянеет. Это всё, что я о ней понял. Все её реплики, как бы много она ни говорила, так или иначе вертелись вокруг моей персоны, и я не сразу заметил, как стал зависеть от её одобряющих кивков, которыми она постоянно сдабривала мои рассказы о себе. Это очень помогало не задерживаться на одном и выдавать ей о себе всё больше и больше. Неужели меня кто-то *слушает*. Понимает, соглашается и местами даже зачарованно поддакивает. Будто наконец посчастливилось встретить именно *того* человека.

– Эти ребята даже не понимают, с чем им придётся столкнуться, – вещал я какой-то свой очередной вычурный монолог, постоянно кивая головой в сторону двора, где всё больше и больше скапливалась шумная толпа. – Жизнь постоянно требует от тебя всё о себе переписывать. Это нужно, чтобы эффективно решать задачи и не...

– А ты скорее поэт или писатель?

Я на секунду завис и, к своему удивлению, понял, что немного разозлился, наблюдая довольную улыбку Анны.

– Не понимаю.

– Ну ты сказал, что нужно всё о себе переписывать. Получается, ты как бы пишешь свою историю. Это, думаю, нормально. В своей жизни мы все – главные и пишем свою историю, каждый по-своему.

– Ну да, я это и имел в виду.

– Ну так, когда ты создаёшь свою историю, ты поэт или писатель? Ты пишешь поэму или роман?

- С этой точки зрения я не думал. Ну, как будто, больше поэт.
- Пишешь поэму, значит.
- Небольшие такие ёмкие стихи.
- Каждый день – это отдельный стих?
- Скорее каждый момент.
- Можно сказать, что ты живёшь моментом?

Я никогда не задавался такими вопросами, но отвечал очень утвердительно, будто был уверен в этом всю свою жизнь. Возможно, и был уверен, просто никогда не мог нормально объяснить это себе.

– По тебе складывается ощущение, что ты ищешь жизнь в каждом моменте и выглядишь при этом полностью независимым.

Наверное, подумал я, даже сто процентов так и есть. Не могу понять, это намеренная лесть или констатация факта. Она озвучивает свои наблюдения или льстит, но однозначно такое как будто бы очень по мне. И здорово, что простое общение помогло так легко подыскать подходящие фразы.

Я почувствовал, что стал для себя чуть более понятным, и у меня поднялось настроение. Удивительным образом пивной полудрём сменился бодростью и ясностью. В последний раз я испытал такое, когда закрыл сделку на двести миллионов рублей. Коммерческий директор Галицкий не пощадил хвалебных слов, чествуя меня перед коллективом на общей конференции. Я деловито отмалчивался и изображал ложную скромность, пока у меня горело лицо и гудели ноги от желания вскочить и начать прыгать от наполнивших до краев гордости и честолюбия.

Психологи рекомендуют обозначить свои проблемы конкретными и понятными именно для себя словами. Это должно помочь быстрее найти решение. Сейчас как раз это и произошло. Анна сделала это умело. Я даже готов заплатить за такое.

Я потерял счёт времени и смирился с тем, что запутался в собственных попытках узнать мою новую знакомую. В какой-то момент я просто плюнул на это, приняв поражение. С другой стороны, я не ставил себе цель соперничать, кто кого переплюнет в этой угадайке, но эта девушка явно не впервые вот так распечатывает незнакомцев.

- Поехали, – вдруг сказала она. – Счёт оплаты и поехали.
- Куда?

Как будто я не понимал, куда.

- Брось. Не задавай дурацких вопросов.

Я махнул бармену, привлекая внимание. Попросил принести счёт.

Анна снова зарылась в сумку и снова посокрушалась из-за какой-то потерянной вещицы.

- Я на минутку, – сказала она, вскочила и направилась в сторону уборной.

Тем временем принесли счёт, и я всё оплатил. Голова немного гудела. Воображение переживалось разными красками. Я начал настукивать ногой нервную чечётку, и мычать какую-то на ходу выдуманную мелодию. Анны всё не было. На мгновение захотелось, чтоб она оттуда не вернулась, и я мирно ушёл из этого заведения.

Внезапно я заметил, что постукиваю не по полу, а по какому-то странному плоскому предмету. Под столом я обнаружил небольшой чёрный блокнот. Я поднял его. Блокнот был размером в раскрытую ладонь, полностью чёрный и матовый, с резинкой-фиксатором, которая держала его закрытым. Я отёр салфеткой пыль и следы от обуви.

Анна незаметно оказалась рядом, что-то нервно строча в телефоне.

- Ты оплатил? – спросила она.

Я кивнул.

Она не обратила внимания ни на мой ответ, ни на блокнот, который я разглядывал. Внезапно превратившись в деловую леди, она кивком попросила поторапливаться и пошла к выходу. Впопыхах я засунул блокнот в свой рюкзак и вышел за ней.

Улица напоминала улей с полчищем пчёл. Вокруг стоял сплошной гул смешков, разговоров, криков и музыки.

Моя спутница деловито шла впереди, прорываясь сквозь толпу, не переставая строчить в телефоне. Я пытался не отставать. Неприятное тревожное чувство поднималось в груди и затрудняло дыхание.

Поначалу я пытался отогнать его, сетуя на выпитое пиво, счёт бокалов которого давно сбился. Но свежий воздух очень неплохо отрезвлял. Лето ещё не наступило, и ночная погода в мае пока отличалась прохладой и иногда даже могла удивить редким снегом, который, правда, таял, не долетая до земли.

Пара минут быстрой ходьбы, ещё немного глотков свежего воздуха — и голова начала проясняться. Мне резко перестал нравиться исход дня. Я ещё раз быстро прокрутил в голове весь вечер в баре и понял, что пора включать взрослого и независимого, заканчивать вечер и перестать заплетаться дальше в сети этой незнакомки. Она ведь так и осталась незнакомой, но теперь уже странным образом притягательной. Это чувство пугало и сигнализировало о том, что с этой дамочкой лучше вечер не продолжать. Она слишком искусно обрабатывала меня весь вечер. Мне льстило, что меня слушают и принимают всерьёз. Она довольно умело довела меня до определённой кондиции опьянения, убаюкала эго и резко закруглилась, потащив за собой. С другой стороны, почему я так испугался какой-то хрупкой девчонки?

Я крикнул ей сквозь шум:

— Ты нашла пропажу?

— Что?

— Ты что-то искала в баре. Нашлось?

— Нет, не важно.

Она всё продолжала неустанно строчить в телефоне и уже не включала свою харизму при ответах. Я видел только её затылок, прорывался сквозь толпу и невидимой нитью тащился за ней, как рыбка, пойманная на крючок.

— Ты не блокнот искала?

Она помедлила и кинула на меня косой взгляд. Мы уже выбрались из толпы, и шумный гул резко спал.

— Какой блокнот?

Я быстро вытащил находку и передал ей. Она начала листать блокнот, затем фыркнула, то ли от удивления, то ли от отвращения и бросила обратно.

— Что за уродство! Фу!

Мы пошли по более пустым улицам. Сворачивали то влево, то вправо, проходили через арки. Анна не отрывалась от телефона. Я попытался немного изучить блокнот. Листал, пытался всматриваться, но на этих глухих улицах освещение было хуже, как у баров. Сквозь жалкий бледный свет удавалось слегка рассмотреть какие-то сложно читаемые фразы, нелепые записки синей или чёрной ручкой, или, может, карандашом. Я так увлёкся всем этим, что даже на время забыл про свою тревогу. Не помню, сколько мы шли и даже не понимал, куда. Анна всё вела, а я плёлся рядом, как послушный пёс.

Отрезвление и ясность пришли мгновенно. Ум струхнул после испарения последнего хмеля.

— Если мы ещё хоть немного пройдем в таком темпе, да ещё и после пива, я вряд ли что-либо смогу, — сказал я.

Анна покосилась на меня совершенно другим взглядом, не тем интригующим и веселым.

— Мы почти пришли, — сказала она.

Интуиция подсказывала, что мы идём где-то чуть южнее Садового кольца. Когда мы повернули на одну пустынную улицу, я сразу узнал Мытную. Она и среди бела дня немногочисленна, а ночью – так совсем ни души. Освещение здесь в этот день было неважным, хотя, такие районы никогда не испытывали с этим никаких проблем. В целом, Москва никогда не испытывала проблем с освещением, даже самые последние подворотни на окраинах освещались бесперебойно. Не иначе как авария, подумал я. Анна словно специально вела меня через полупустые и плохо освещённые улицы.

Тем временем мой внутренний тревожник всё сильнее давал о себе знать. Анна – не просто какая-то девушка, которую удалось охмурить в ночном московском баре. Но даже если она занимается этим за деньги, к чему вся эта тревога? Может, мне некомфортно из-за тёмных улиц. Или так сказывается выпитое.

Мытная, конечно, не блистала красотой. Некоторые дома, построенные, кажется, ещё при царской России, при плохом освещении выглядели призрачно и гнетуще. Вот какой-то двухэтажный дом, явно в аварийном состоянии, с выцветшей краской, потрескавшейся штукатуркой, под разводами теней из-за плохого освещения – вообще, напоминает дом ужасов. И мне совершенно не понравилось, когда Анна повернула именно туда во двор.

– Так, стоп. – Я резко очнулся. – Куда это мы идём?

– Ну ты к себе не предложил ехать. Я девушка инициативная: не поступает предложение – я делаю по-своему.

– Ты здесь живёшь?

– Ну как «живу». Осваиваюсь.

– И что это значит?

– Ты идёшь с девушкой к ней впервые.

– С чего ты решила?

– Почему ты так встревожен? Как мальчишка.

Это меня задело. Я даже не понимал, что именно могло тревожить в данной ситуации, и пытался вспомнить, когда именно всё начало вызывать у меня сомнения и почему.

А тем временем мы уже стояли во дворе. Атмосфера здесь была поприятней. Напротив дома ужасов стоял ещё один такой же дом царских времён, но чуть в лучшем состоянии. В некоторых окнах горел свет. Я даже ощутил, как в этих жёлтых окошках теплится жизнь, и на душе стало немного спокойнее.

Мы подошли ко второму, центральному, подъезду. Анна начала кому-то звонить, сбрасывала и снова набирала, глухо ругаясь.

– Полудурки, бл***!

Ругань снова исказила что-то в ней и в её умело спроектированной маске. Симпатия и интерес сменились окончательным разочарованием. Мы стояли на улице, но уже ощущался дух противного вульгарного борделя.

Она ощутила перемены в моём настроении и попыталась соорудить уже однажды успешно отработавшую улыбку, но я не поддался. Её лицо сразу померкло, в расчётливых глазах что-то изменилось.

Я наконец вышел из-под гипноза. Хотя вряд ли это был именно гипноз. Но то, что я ощущал себя на крючке и оказался в такой дыре, очевидно, было следствием дурмана. Меня вели, и меня это тревожило. Я не вполне владел инициативой, да и собой. Это и вызывало тревогу.

– Так, слушай, я уже остыл и мне не интересно. И место, честно говоря, сомнительное.

– Так предложи своё! – она словно бросила вызов. – Я не услышала никаких предложений. Одна сплошная философия и надменность, как у бывшего деда. Зато последние полчаса ты нервничаешь как школьник.

Что это вдруг она начинает! Почему так колко бьёт в душу, и почему это так на меня действует?!

Внутри всего скрутило, как при рвотном позыве, хотя я понимал, что дело не в съеденном или выпитом.

Анна отвернулась и снова начала тихо ругаться, держа телефон у уха.

Меня мутило. Почему я не могу вот так взять и уйти, послать её к чёрту? Мы стоим в каком-то мрачном месте, вместе с этой химерой. Она держит меня за невидимые нити.

Я просто пропал! Она опасна!

В голове крутились разные мысли: от «да всё нормально, минут на двадцать заскочу, мне большего не надо» до «они тут меня усыпят и разберут на органы». Параллельно я нервно тербил в руках листы блокнота туда-сюда, даже не всматриваясь в них. Но тут взгляделся и понял, от чего с таким отвращением фыркнула на него Анна.

Здесь были рисунки сумасшедшего. Странные, обрывистые, несвязанные фразы, изведённые линиями страницы, словно кто-то пытался расписать ручку или просто потратить чернила. Рисунки мужских и женских половых органов вместе с рисунками жуков и ещё каких-то фантастических насекомых. Где-то рисунки были нарисованы лучше, словно опытной рукой, где-то словно их вычерчивала неумелая детская рука. Этот блокнот меня окончательно доконал, и голова пошла кругом. Я хотел уже выбросить эту пакость, как внезапно очутился на странице, где жирным по диагонали была выведена одна лишь фраза: «что происходит?».

Что происходит? Вопрос прозвучал в голове вполне отрезвляюще.

– Что происходит? – спросил я.

В голосе уже была уверенность.

Анна странно покосилась на меня.

– Что тебе непонятно?

– Ты проститутка? Что это за убудское место?

– Это ты убудский! Ещё раз назовёшь меня проституткой – умою в перцовке.

– Ты не ответила на вопрос. Кому ты звонишь?

– Ты разве не хотел поразвлечься? – она попыталась вставить в голос недоумение с фальшивой ноткой игривости.

– А звонишь кому, помощнице?

От старой железной двери подъезда раздался щелчок, и изнутри высунулось внушительное широкое тело в тёмных штанах и футболке, с лысой головой и направилось к нам. Анна выдохнула.

В этот момент мне показалось, что бежать бессмысленно.

Здоровяк очень быстро оказался рядом и посмотрел бесстрастными глазами сначала на Анну, затем на меня.

– Чего тут?

Его голос звучал довольно высоко и не очень сочетался с образом такого гиганта, но ледяные нотки дали понять, что лучше не обманываться на его счёт. Он спрашивал Анну, поэтому я просто ждал её ответа.

– Да вот клиента веду, но именно сейчас строптивного включил. Уже и так потратил несколько часов моего времени, теперь ему не нравится цена.

– Так, – начал я, – ни о какой цене я не знаю. Она просто представилась девушкой и предложила поразвлечься. Я не знал, что она шлюха.

Лицо здоровяка немного исказилось. Видимо, слово «шлюха» порезало слух. Очень странно, ведь я назвал вещи своими словами.

– Ещё один дурачка валяет, – на удивление голос здоровяка звучал слишком дружелюбно. Но было опасно вестись на это. Он говорил спокойно и как будто даже с пониманием, скорбно

принимая то, что бывают же люди, которые вот такие несовершенные юнцы-глупцы, сплошная жалость.

– Слушайте, я со всем уважением... – начал я.

– К кому – ко мне? Или к этой шлюхе? – спросил здоровяк.

Анна удивлённо покосилась на него.

Сложно было не заметить странный расклад их взаимоотношений.

– Что здесь происходит? – снова повторил я вопрос из блокнота. Удивительно, какой простой вопрос, но в нужный момент помогает приземлиться.

– Ты скажи, – предложил здоровяк. – Ты отнял время у *девушки*, притащил её сюда, теперь даёшь заднюю. Кто компенсирует время?

Что здесь происходит, ты спрашиваешь? Правда кольнула больно, но стало гораздо легче. Меня разводят на деньги. Здоровяк будто попытался сгладить словом «девушки» рану от предыдущего некрасивого слова «шлюха». Его неловкость в голосе была почти комичной. Тот факт, что сердце этого огромного буйвола способно испытывать такую неловкость, немного всё разрядил, и я невольно заулыбался. Но ровно до того момента, как после пары мгновений, потраченных лишь на моргание, перед лицом нарисовалось дуло пистолета. Да, не стоило обманываться насчёт этого мужика. Он ни капли не изменился в лице, но теперь в нашу, казалось, разбавленную импровизированную театральную сценку мошеннического развода добавился пистолет. А пистолет – это вполне себе аргумент.

Я стоял, не дыша. Взглянул на Анну, ожидая хоть какой-то поддержки или ориентиров. Но время доверительных кивков и налаживания контактов закончилось сразу после того, как мы покинули бар. Сейчас она была совершенно чужим человеком, хотя её глаза и выражали неравнодушный страх. Стоя чуть поодаль от здоровяка, она обнимала себя, словно из-за внутренней дрожи могла рассыпаться. Она определенно была напугана. Но куда хуже было моё положение.

– Это ещё что? – еле вырвалось из меня.

– Это для бодрости, – объяснил здоровяк. Его голос звучал так же спокойно и вполне невинно. – Твои путешествия на сегодня закончены, родной. Гони сюда компенсацию и исчезни.

Я демонстративно похлопал по карманам и дрожащим голосом признался:

– У меня только на карте. Могу только перевести.

Мне было не до принципов. Лучше отдам деньги и закончу этот мрачный вечер.

– Здесь тебе не супермаркет, – спокойно ответил здоровяк. – Гони-ка паспорт.

Я медленно снял с плеча портфель и вытащил паспорт. Здоровяк резко вырвал его из рук и, не глядя, бросил Анне.

– Сфотографируй, – велел он. – Не знаю, живёшь ли ты по регистрации, но деньги должны быть здесь в понедельник в девять вечера. Иначе устрою проблемы. Не рискуй своими близкими. Сделай всё честно. Ты сегодня поступил подло. Сто тысяч рублей должны быть здесь в понедельник в девять вечера. Как меня слышно?

Я кивнул. Я готов был хоть сейчас перевести эти деньги. Но понятно, почему он хотел только наличные. Проверять, доставят ли они мне проблемы, не очень хотелось.

– Без проблем, – выдал я.

Здоровяк внимательно смерил меня с головы до ног. Какого чёрта я сказал «без проблем», пронеслось в голове! Сейчас потребует больше и будет доить до последнего! Но он лишь слегка кивнул, опустил пистолет и швырнул паспорт обратно.

– Придёшь сюда в понедельник ровно в девять вечера. Ни раньше, ни позже. Позвонишь Анне, она выйдет, передашь деньги. Не пали их. Засунь куда-нибудь. Всё понятно?

Я снова кивнул, почувствовав небольшое облегчение. Здоровяк двинулся к подъезду. Анна ещё какое-то время смотрела на происходящее с ужасом в глазах и неуверенно пошла следом.

* * * * *

Все последующие выходные прошли в тревоге от прожитого, и картины того ночного случая не покидали ни на миг. Я переключал телеканалы с прибитым душевным состоянием. Прогуливался по улице, не наблюдая мир вокруг. Постоянно прокручивал в голове сценарий пятничной ночи – от самых бестолковых геройских, где я умело справляюсь с этим ходячим шкафом при помощи смекалки и прочих хитростей, – до негативных, где получаю пулю в лоб.

Я почему-то жалел Анну, ведь её неподдельный страх и жалкий образ, снующей за сутенёром хрупкой девушки, ясно говорил о том, что она не иначе как в рабстве. Её эксплуатируют, и она не может выбраться. С другой стороны, какое мне до неё дело? Сколько таких несчастных губят судьбу, вертясь по ту сторону нормальной жизни!

Анна пугала своей проникательностью. Она могла зацепить и заставить совершать поступки против своей воли. Не иначе как гипноз. Я обдумывал наше с ней общение сотню раз, пытаясь понять, где растерялся контроль и включилась марионетка.

Настоящая мошенница! Вовсе её не жаль! Она вертится в своём мире, умеет играть по этим правилам. Скольких она обвела вокруг пальца? Она и тот огромный тип сомнительно странно реагировали, когда я называл её проституткой или шлюхой. Эти люди просто мошенники. Она делает одно – тащит тебя за собой, не спрашивая, берёт на себя всю инициативу, пока ты находишься в вялом пьяном состоянии. Какой мужик на это не клюнет! А потом появляется то здоровое чудо и доводит оставшееся, но гораздо более примитивное действие – просто угрожает пистолетом, требуя денег. Я не сомневался, что оружие у него было настоящим. Не сомневался, что, проигнорирую я их требования, они могли устроить мне проблемы. Стоит ли идти в полицию и наживать себе большей головной боли или просто отдать им эти несчастные деньги? Будем считать, что меня обокрали в тёмном переулке. Я остался жив, хоть и потерял что-то. Да, это грустно и неприятно, но зато после можно вернуться к своей жизни. А для обращения за помощью в полицию масштаб проблем должен быть гораздо больше, казалось мне.

Кстати, такой расчёт, возможно, и был у этих мошенников. Сумма не маленькая и недостаточно большая для раздувания проблем. Думаю, в большинстве своём, кого бы они ни разводили, бедолаги выбирали простой вариант решения и приносили им деньги или выкладывали им всё, что было в карманах на месте.

Я охотно признавался себе в том, что не на шутку тогда перепугался. В ту первую ночь не спалось. Никогда ранее моя скромная однокомнатная квартирка не казалась таким безопасным местом. Я дома, я под одеялом, и стоит мне просто накрыться с головой, и никто меня не достанет.

Затем я вспоминаю, как отдал им свой паспорт. Они знают, где я живу! В жуткой тревоге я вскакиваю с кровати и в пижаме выбегаю на улицу в поисках ночного банкомата. Затем я снова лежу дома под одеялом, уже более спокойный, ведь я выполнил их требования – подготовил деньги. Пока на данном этапе можно быть спокойным, ведь всё выполнено. Им незачем мне вредить.

А что, если они не остановятся? Они ведь мошенники, они доят корову, пока та даёт молоко. Я буду всеми силами максимально убедительно доказывать, что живу в кредит и у меня больше денег нет. С меня больше нечего взять. У меня есть перцовка, буду держать её в кармане на всякий случай. Надеюсь, самооборона не понадобится. Что бы я ни сделал, они знают, где я живу. Просто отдам им деньги и всё. Выскажу Анне, какая она молодец, что смогла

так развести, каюсь, я – неудачник. Вот ваши деньги. Клянусь –ни ногой в полицию. Просто исчезните из моей жизни, как появились.

Я, заведённый, просуществовал все выходные. Иногда даже придумывал себе, что за мной уже следят, хотя зачем им это?

– Спасибо за комментарий, надеюсь, потом объяснишь, почему ты так считаешь.

Галицкий не был любителем язвить и точно не был актёром. Он бросил свой комментарий вскользь.

– Давайте без обид, но прошлый провал нам дорого стоил. Будем снова краснеть? Прессейл создан не для того, чтоб загнать товар. Мы не чистку для рыбы продаём в электричках...

Я жму руку коллеге. Круглое неприятное лицо, самодовольный взгляд, пустые глаза.

В зеркале на меня смотрит осунувшееся серое лицо. В каштановых волосах вижу седые волосы. Не припомню их, но за пару дней бесперебойного стресса точно могли появиться –я каждый миг в напряжении ожидал, что ко мне постучат.

Карие глаза выглядели скорее бледными. Хотя, может, это из-за холодного света в туалете. Удивительно, как можно извести себя за какие-то пару дней. Как некоторые умудряются жить в том сером мире без правил, где постоянно нужно быть начеку? Хорошо, что деньги нести уже сегодня. Если бы они были полные садисты, могли бы назначить стрелку через неделю, тогда я бы точно не явился, а просто довёл бы себя до психушки.

В туалетную комнату входит кто-то из коллег, смотрит на меня через зеркало, улыбается и проходит дальше в кабинку. Его появление немного возвращает в реальность. Я улавливаю неприятную усмешку в глазах. Потом он после кабинки моет руки у второго умывальника рядом со мной и выходит. В этот момент я вижу след от птичьего помёта на костюме.

– Ладно, приди в чувство.

Я похлопал себя по щекам и как будто стал ощущать себя лучше. Беспорядочный шум в ушах и жуткие картины немного отступили, и уборная комната проявилась четче.

Уже понедельник.

Я постоял так, глядя на своё отражение, смакуя долгожданную тишину в голове. Стоило вытащить себя ненадолго наружу из своей бурлящей круговерти мыслей, и жуткие картинки перестали угнетать. Удивительным образом хаос сменился спокойствием.

– Вот это я себя загнал...

Стало легче. Такой простой способ и так хорошо работает. Нужно будет запомнить, что взбодрить себя хлопками по щекам неплохо работает. Я даже нашёл в себе силы ухмыльнуться, достал телефон и сфотографировал своё отражение. Оставлю это фото и буду периодически вспоминать, как выглядит изнеженный бедолага, которого напрягли не по канонам государственных законов.

– Ты начал разговаривать с самим собой вслух, – подметил мой коллега, старший предпроектный менеджер, и отпил кофе из одноразовой чашки.

Незаметно я снова отлетел в свои мысли, и его слова, как отрезвляющий удар, вернули обратно. Мы сидели в кофейне. Мой кофе так и остыл на столе. Терпеливое, понимающее отношение моего коллеги, которого я иногда называл офисным другом, помогало не испытывать неловкость за своё болезненное состояние и поведение. После его слов звуки будничной кофейни снова стали звучать отчётливо, словно я выбил из ушей воду после плавания.

– Что, прости? – спросил я.

– Ты бубнил что-то сам себе на совещании. Иногда довольно громко.

– А что я говорил?

– У тебя проблемы?

– Да, самочувствие такое себе.

– Прости, но ты выглядишь... как наркоман в ломке. Дозу пропустил?

Про дозу он спросил искренне. Я помню своё отражение в уборной: да, Павла можно понять. Глядя на меня, много чего можно додумать.

– Завтра мне непременно станет лучше, – заверил я.

Звучало это, однако, так, что я действительно до завтра точно получу свою дозу и вернусь в строй. Он не удивился. Я знал не понаслышке, как наши менеджеры определённого звена балуются веществами для бодрости и работоспособности, а иногда – для расслабления. Бешеный корпоративный ритм заставляет жить как заведённый, и ты не всегда можешь притормозить самостоятельно без помощи. Ведь разгон требует много времени, а на такой большой скорости невозможно остановиться без последствий, а иногда невозможно остановиться и вовсе.

Мы продаём нефтегазовое инженерное оборудование – это сплошь государственные заказы, огромные важные проекты для государства и сплошная ответственность.

А откуда черпает силы сам Паша? Его давно начали покидать волосы на голове, постоянно небритое лицо начало покрываться сединой. Плечи вечно сутулые, то ли от усталости, то ли от того, что его вечно втоптывают в землю. Он огребаёт за себя, за таких, как я, и ещё немного просто так для профилактики. Я не дружу с ним вне работы, но очень радуюсь, когда каждое утро вижу его живым на рабочем месте.

После рабочего дня с восемнадцати часов до момента икс целых три часа. Домой в тот день я решил возвращаться только со спокойной душой. Поэтому нужно скоротать время до девяти часов вечера, и неважно, где. Я решил прогуляться с северной части центра, с офиса, до Мытной пешком.

Внимание болезненным образом постоянно отлетало в сторону, укрываясь от реальности. Сильный стресс совсем меня истощил. Я попросту не мог контролировать сознание.

Болезненного вида мужчина в растрёпанном костюме, с крупным следом птичьего дерьма на груди, идёт по улице потерянно без цели, периодически взбадривая себя хлопками по щекам. Слава богу, я не вижу себя со стороны, и у меня не хватает сил на чувство стыда.

Я явился на место вовремя. Было светло, и в этот раз всё выглядело намного безопасней и не так сильно угнетало. Ночные сцены с прошлой пятницы постоянно вертелись в голове все эти дни, но я даже не представлял, что это же место при свете дня может выглядеть столь безобидно.

После пары неудачных звонков мне перезвонили, и женский голос, возможно голос Анны, сказал подойти к железной двери и постучать четыре раза. Я сделал, что велели. Щёлкнул замок, но дверь открылась резко на меня, и изнутри в спешке, словно на бегу, вылетел длинный худощавый парень в балахоне и с капюшоном на голове. Он задел меня плечом и направился быстро прочь, но через несколько шагов бросил на меня взгляд и выругался. Из-под капюшона выглядывала абсолютно безволосая продолговатая голова. Я не увидел ни бровей, ни ресниц. Серые глаза смотрели мертвенно. В них не горели ни энергия, ни воля. Он словно был под веществами и двигался лишь на инстинктах, которые позволяли ему разве что не упасть.

Кажется, мне удалось не выдать чувства отвращения от этого зрелища. В памяти всплыл образ мифического существа из фильмов. Кажется, Носферату. Этот тип был вылитый Носферату – как не из этого мира, без возраста и как будто бы без пола.

Из двери ударили духота и смесь незнакомых мне кислых и сладких ароматов. Первое, что попало на глаза, – это камера, висевшая с потолка и нацеленная на лицо.

Я оказался не в подъезде. Здесь не было лестничной площадки. Сразу за дверью шла длинная пустая прихожая. Можно ли пройти дальше или нет, непонятно. Внутри царили полумрак и полная тишина. В самом конце сквозь грязное окно с трудом просачивался свет. Этот коридор прорезал здание насквозь, слева и справа которой – двери друг напротив друга, ведущие в разные помещения.

Я простоял так какое-то время, не понимая, куда идти дальше, как ближайшая дверь слева открылась, и оттуда вышел незнакомый мужик, довольно худощавый, лет пятидесяти, в тёмных туфлях, джинсах, рубашке и кожаной куртке. Его хамовато-издевательское выражение лица умудрялось выдавать нечто, похожее на доброжелательность. Но на тот момент было сложно определить, что вообще выражает это лицо. Да и вообще весь этот прикид с зачёсанными назад волосами напоминал образ типичного бандита из девяностых. Во всех криминальных хрониках, которые в одно время были так популярны по телевидению, мелькали именно такие люди, именно с такими лицами и с таким внешним видом с головы до ног.

Он кивком головы пригласил внутрь.

Здесь обстановка напоминала заброшенный старый сарай. Снова жалкий свет, который пытается прорваться сквозь грязное окно. Старые вековые деревянные стулья, разваливающийся старый шкаф в дальнем углу, стол у окна, за которым сидел пятнистый бугай.

На здоровяка были надеты широкие брюки, на вид тоже старомодные, и облегающая красная футболка. Он даже не взглянул на меня и сидел, склонившись над столом, изучая бумаги. Впустивший меня бандит из девяностых прошёл и сел рядом с ним, спиной ко мне. Так они и сидели какое-то время молча. Здоровяк передал бандиту кусок бумаги.

– Глянь, – сказал он.

Бандит долго и молча изучал её. От столь скудного света быстро начали уставать глаза. Хотя этим двум деловым людям, сидящим у самого окна, света должно было хватать.

Они ещё какое-то время перешёптывались, затем здоровяк в красной футболке закурил и как бы случайно взглянул вглубь комнаты, прищурившись. Было непонятно, смотрит ли он на меня или просто осматривает пространство.

– Кофе, чай? – спросил здоровяк.

– Нет, спасибо, – ответил я скромно.

Они вдвоём переглянулись, пустили пару ехидных смешков. Этот здоровяк смотрел на меня как на бедолагу. На тот момент я себя таким и ощущал – жалким, беззащитным... и, судя по всему, последним дураком, которого они так просто развели, который самовольно принёс им денег, не подумав даже ни на минуту о том, как можно было бы в этой ситуации повести себя иначе.

Я ощущал себя просто напуганным мальчишкой, который в жизни даже не участвовал ни в одной уличной драке и боялся вида крови. Меня трясло при виде драки с жестокими ударами по лицу, когда разбивались носы, рассекались брови и по лицу стекала кровь. Что я знаю о страхе? Почти всё. Что я знаю о том, как справиться с этим чувством? Практически ничего.

И вот я стою перед этим человеком. Он с улыбкой изучает меня и видит (не может не видеть), как я, жалкий, напуганный, полностью под властью натравленного им на меня страха, стою совершенно ватный и покорный со стопкой денег.

Эти деньги для такого человека, должно быть, были мелочью. Возможно, он просто надоедливо поиздевался. Зачем ему какие-то сто тысяч? Разве он не зарабатывает в разы больше? Или он не мог просто так отпустить наглого незнакомца, который решил кинуть его подопечную с заслуженным заработком? Не по масти так себя вести. Хотя, что я знаю про эти масти, воровские принципы и прочий криминальный флёр.

– Смотри, Лис, – обратился он ко второму. – Явился как миленький.

Второй, которого он назвал Лисом, слегка повернул ко мне голову, изобразил ехидный взгляд и вернулся к изучению бумаг.

– А я думал, ты меня подведёшь, – сказал здоровяк на удивление добродушно.

Тепло в его голосе вызвало приятное удивление, и я смог немного расслабиться. Меня насторожило, как легко лишь интонацией он смог вмиг вызвать благосклонность и спокойствие.

Я неуклюже поерзал на месте, достал из своей сумки конверт с деньгами, с трудом заставил себя подойти к столу и положил его перед ним. Он продолжал с интересом наблюдать за мной. Я снова заерзал на месте, не понимая, как будет правильней, и сделал несколько шагов назад.

– Смотри как красиво, в конверт положил, – добродушно, но не без издевки в голосе произнес здоровяк.

– Ну правильно, аккуратность. – У Лиса был неприятный, скрипучий голос. Может, поэтому его называли Лисом. Хотя таким образом в воровском мире могут звать по множеству других причин.

– Я пойду, думаю, – сказал я, пытаюсь унять предательскую дрожь в голосе.

Бандит в красной футболке держал сигарету в пальцах и продолжал задумчиво смотреть на меня.

– Уже? – спросил он.

– Ну, я всё сделал. Проблем нет. Было неправильно так себя вести в тот раз. – Дрожь всё-таки временами прорывалась наружу.

– Ну бывает, – подхватил Лис. – Парень напортачил. Извиняется.

Я, конечно, не видел его лицо и не мог понять, что оно выражает, но он как будто вполне естественно играл в добряка. Мне это давало надежду: может, я смогу уйти отсюда, и он мне поможет и всё – дело с концом.

Первый в красной футболке, имени которого я до сих пор не знал, задумчиво смотрел на меня и что-то прикидывал в своей бандитской голове. И вряд ли это было что-то хорошее.

– Долги нужно возвращать, – сказал он после небольшой паузы.

– Парень молодец, умеет держать слово, – снова вставил своё этот Лис.

До чего же он был мерзкий! Чем больше играл в понимающего, тем больше хотелось заткнуть уши, чтоб не слышать его скрипучие добрые комментарии.

Никогда я не ощущал себя настолько уязвимым.

– Мои близкие знают, где я, – ляпнул я и сразу понял, что напортачил.

Лицо бандита в красном не изменилось.

– И где ты? – спросил он с издевкой, но уже более сурово.

– Видимо, сообщил, чтоб не потеряли, – объяснил Лис. Вот этот комментарий уже звучал сомнительно – и по интонации, и по смыслу.

Какого чёрта я ляпнул, пронеслось у меня в голове! Повисла недолгая пауза.

– Ты решаешь свои вопросы, родной, – продолжил бандит в красной футболке. В голосе уже было что-то наставническое, в то же время немного отеческое, от чего, к слову, воротило.

– Твоих близких здесь нет. Ты вернул долг, потому что сам напортачил. – На его лице промелькнуло отвращение, и он добавил, но уже совсем не по-отечески: – Мы здесь тоже знаем, где ты живёшь.

– Я ни в коем случае не угрожаю, – пролепетал я. – Я к-к-к тому, что мне нужно уходить... если вы не против.

На слове «угрожаю» у него брови поползли вверх. Он снова смерил меня оценивающим взглядом.

– А если буду против, останешься?

Я не понял интонацию: была ли там издевка или он спрашивал всерьёз.

– Да где мы его тут разместим-то? – снова добавил своё мерзкое слово Лис.

Здоровяк потушил сигарету в пепельнице и отвернулся от меня, дальше зарывшись в бумаги.

Боже, ну что за ситуация! Я стоял как вкопанный какое-то время и решил просто самостоятельно удалиться. Медленно двинулся к выходу. Никто на меня не смотрел. Бешеный стук сердца разносился во всей комнате. Ком страха подступил к горлу и так сжал дыхание, что каза-

лось, сердце от интенсивных ударов вот-вот пролезет через горло и вырвется из меня подальше от всего этого.

Всё, что я видел – это помутнения и яркие жёлтые вспышки перед глазами. Иногда казалось, будто мне кричат вслед. В коридоре я остановился, ожидая, что за мной выбегут, свалят на пол и за ноги потащат обратно в комнату.

Я остан

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.